

ЭТИКА
ЛЖИ

АЛЕКСАНДР ЧУВАРЛЕВ

Александр Чуварлев

Этика лжи

«Автор»

2026

Чуварлев А.

Этика лжи / А. Чуварлев — «Автор», 2026

Академия «Вектор» — закрытый мир для детей элиты. Здесь учат искусству лжи, дипломатии и выживания. Здесь секреты стоят дороже денег, а ошибки не прощают. Полина Ветрова, дочь нефтяного магната, приезжает сюда, чтобы доказать отцу свою силу. Но вместо лёгкой учёбы она получает анонимные угрозы, тайны прошлого и преподавателя, который видит её насквозь.

© Чуварлев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Чуварлев

Этика лжи

Глава 1

Полина

Она научилась не моргать в тот день, когда отец впервые повысил голос на мать. Полине тогда было шесть, и она стояла в дверях кабинета, сжимая в руке плюшевого зайца, и смотрела, как мама — красивая, тихая, всегда пахнувшая ландышами — вдруг стала маленькой и серой, как мокрая мышь. А отец не кричал даже, он просто говорил громче обычного, но этого хватило, чтобы у матери затряслись руки. Полина тогда не моргнула. Она смотрела, запоминала, и в какой-то момент поняла: если ты отведешь взгляд — ты проиграл. Если моргнешь слишком часто — ты боишься. А страх в их доме был роскошью, которую никто не мог себе позволить. Не тогда, когда на кону стояли контракты на миллиарды и молчаливые кивки в кабинетах Кремля.

Сейчас, через двенадцать лет, она снова не моргала.

— Ты поняла меня, Полина?

Отец оторвался от планшета, и его взгляд — тяжёлый, с прищуром, которым он, наверное, смотрел на подчинённых, пытающихся его обмануть, — упёрся в неё через стол. Красное дерево, инкрустированное золотом, напоминало поле для гольфа в миниатюре. Кабинет в их московском особняке пах дорогим табаком и кожей — запахом, который Полина знала с детства и который всегда ассоциировался у неё с чем-то окончательным. С приговором.

— В «Векторе» нет моих людей, — продолжал отец. — Никто будет подтирать тебе сопли. Ты туда не учишься едешь. Ты едешь учиться выживать.

Она сидела прямо, ноги скрещены, руки на подлокотниках. Серое шерстяное платье, никаких украшений, кроме тонкой цепочки на шее — единственное, что осталось от матери. Полина почти не помнила её лица, только запах ландышей и то, как мама иногда по ночам заходила в детскую, садилась на край кровати и долго молчала. Потом целовала в лоб и уходила. А однажды просто не вернулась.

— Выживать среди детей олигархов? — Полина позволила себе лёгкую усмешку, хотя внутри всё сжалось от привычного раздражения. — Пап, они же все из теплиц. У них личные самолёты и дипломаты вместо няnek.

— Именно. — Павел Семёнович откинулся на спинку кресла, и в этом движении скользнуло что-то усталое, что он никогда не показывал на людях. Ему было пятьдесят три, но выглядел он на сорок: подтянутое лицо с резкими скулами, короткая седина на висках, глаза цвета старого льда. Только сейчас, в вечернем полумраке кабинета, Полина заметила, как глубоко запали его щёки. — Эти дети с пяти лет знают, что мир — это джунгли. Они не кусаются, они договариваются. И если ты для них будешь просто дочкой Ветрова, которая купила место, они сожрут тебя на первой же неделе. Не зубами — репутацией.

— Я не покупала место, — Полина выпрямила спину. — У меня балл сто девяносто три по международным стандартам. Я говорю на четырёх языках. И я сама выбрала эту академию, а не ты.

Отец усмехнулся — сухо, без тепла, но в его глазах мелькнуло что-то, что при других обстоятельствах можно было бы назвать гордостью.

— Молодец. Помни это ощущение. Оно тебе пригодится, когда первый раз провалишь экзамен по «Этике лжи».

Он поднялся, обошёл стол, и Полина почувствовала, как его рука легла ей на плечо — тяжело, уверенно. Жест собственника. Она ненавидела этот жест, но давно перестала сопротивляться.

— Ещё одно, Полина. В «Векторе» есть человек. Не мой, но он в курсе. Если совсем прижмёт — скажешь кодовую фразу: «Кость в горле». Он поймёт.

Она вскинула голову:

— Ты сказал, что у тебя там нет людей.

— Я сказал, что нет моих. — Отец поправил манжету рубашки, и Полина заметила, что его пальцы дрожат — едва заметно, но она научилась видеть эту дрожь. — Есть один, который мне должен. Он тебе не помощник, он — страховка. Не звони ему по пустякам.

Она кивнула. Внутри всё сжалось — не от страха, от злости, той глухой, давней злости, которая накопилась за годы таких вот разговоров. Опять он решает за неё. Опять у неё есть «страховка», о которой она не просила. Опять её жизнь — это чья-то чужая игра.

Вслух она сказала только:

— Я справлюсь.

— Уверен.

Отец вернулся за стол и уже не смотрел на неё — листал планшет, и его лицо снова стало непроницаемым, как у человека, который решает чужие судьбы сотнями.

— Самолёт в семь утра. Не опаздывай.

Полина вышла из кабинета, прошла по длинному коридору мимо портретов предков (все мужчины, все с одинаковыми холодными глазами), поднялась к себе в комнату и только там, закрыв дверь, позволила себе выдохнуть.

На столе лежал раскрытый ноутбук с сайтом академии «Вектор» — она смотрела на него каждый вечер последнюю неделю, пытаясь представить, что её ждёт. Фотографии: колонны, парк, аккуратные дорожки, студенты в строгой одежде с лицами, которые ничего не выражают. Место выглядело как тюрьма для миллиардеров, если бы тюрьмы строили по лекалам XVIII века.

Она закрыла ноутбук, подошла к окну и посмотрела на ночную Москву. Где-то там, за огнями, осталась мать, которую она почти не помнила. Где-то там осталось её детство, которое закончилось в тот день, когда она научилась не моргать.

«Не позорь фамилию», — напишет ей отец завтра перед вылетом. Как всегда. Как будто фамилия — это единственное, что в ней имеет значение.

Полина легла на кровать, не раздеваясь, и долго смотрела в потолок, слушая, как за окном шумит поздний город. Мысль о том, что завтра она окажется в месте, где никто не знает её истории, казалась одновременно пугающей и освобождающей. Может быть, там, в «Векторе», она наконец поймёт, кто она на самом деле, — не дочь Ветрова, не наследница империи, а просто Полина.

Или не поймёт никогда.

— --

Академия «Вектор» встретила её сырым утренним туманом, который стелился по парку и делал здания похожими на декорации к готическому роману. Главный корпус — массивный неоклассический особняк, выкрашенный в цвет слоновой кости, с колоннами и барельефами, изображающими сцены из античных мифов, — казался здесь чем-то вечным, стоявшим задолго до них и пережившим не одно поколение выпускников. Вокруг, подстриженный до геометрической точности, парк уходил вдаль, к чёрной полосе леса, а за спиной остава-

лась высокая кованая ограда с колючей проволокой, которая на сайте академии называлась «защитой от посторонних».

Но настоящая защита была не в проволоке, поняла Полина, когда её чёрный служебный автомобиль с тонированными стёклами остановился перед воротами. Настоящая защита — в репутации. Сюда принимали только по рекомендации трёх действующих дипломатов или глав государств. Стоимость обучения не публиковалась — она была входным билетом в закрытый клуб, где деньги уже не решают, решают связи и кровь.

Водитель — молчаливый мужчина в форме без опознавательных знаков — даже не предложил помочь с чемоданами. Знал, что отказ будет. Полина вышла сама, поправила пальто и посмотрела на охранника, который вышел из будки.

— Фамилия? — спросил он, и голос у него был такой, будто он каждый день отсеивает тех, кто попал сюда случайно.

— Ветрова.

Он сверился с планшетом, и его лицо на секунду изменилось — неуловимо, но Полина заметила: она здесь не случайно, её ждали.

— Вас проводят.

Он махнул рукой, и из-за колонны вышла девушка в строгом сером костюме. Рыжие волосы собраны в тугой пучок, на шее — бейдж с надписью «Куратор», лицо без возраста и без выражения. Она оглядела Полину с головы до ног — быстро, профессионально, как оценивают вещь перед покупкой.

— Полина Ветрова? Меня зовут Кира. Я проведу вас в крыло «Альфа». По дороге объясню правила.

— Правила? — Полина подхватила чемодан. — Я читала устав. Их там сорок три пункта.

— Сорок четыре. — Кира пошла быстрым шагом, даже не оглянувшись, и Полине пришлось почти бежать, чтобы не отстать. — Последний добавлен вчера: «Студенты не имеют права находиться в преподавательском крыле после двадцати двух часов без письменного разрешения». Предыдущий нарушитель отчислен позавчера.

— За что?

— За то, что его нашли в кабинете профессора Йоргенса. С профессором. В одном кабинете.

Кира сделала паузу — ровно настолько, чтобы Полина успела додумать остальное сама. Такой приём она уже знала: не договаривать, заставляя собеседника заполнять пробелы. Умно.

— Йоргенс уволен, — продолжала Кира, сворачивая на аллею, обсаженную стриженными туями. — Студент лишился рекомендательных писем. Теперь он работает в логистической компании в Челябинске.

— Жёстко.

— Это «Вектор», — Кира наконец обернулась, и Полина увидела её глаза — светло-карие, почти жёлтые, с таким же отсутствующим выражением, как и голос. — Здесь учат тому, что ни один поступок не остаётся без последствий. И что секреты — единственная валюта, которая не обесценивается.

Они вошли в здание через боковой вход. Коридоры пахли воском и старым деревом — запахом, который мгновенно перенёс Полину в детство, в дом бабушки, где она проводила летние каникулы до того, как бабушка умерла. На стенах — портреты выпускников, ставших министрами, послами, президентами. Полина заметила среди них отца — молодого, с чёрными волосами и холодной улыбкой. Его портрет висел рядом с портретом какого-то азиата в традиционной одежде, и на секунду ей показалось, что у отца и этого незнакомца одинаковое выражение глаз — как у людей, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

— *Ваша комната. — Кира остановилась перед дверью с медной табличкой «А-17». — Ключ — отпечаток пальца. Соседка — Мария Тогоева, дочь министра энергетики. Не пьёт, не курит, любит теннис и агрессивно веганствует. Ужин в девятнадцать ноль-ноль в Большой столовой. Опоздание — минус два балла к рейтингу.*

— *Баллы?*

— *Увидите.*

Кира улыбнулась впервые, но улыбка была недоброй — такой, какой улыбаются, когда знают то, чего не знаешь ты.

— *Добро пожаловать в «Вектор», Ветрова. Надеюсь, вы не заплачете на первой же неделе.*

Дверь закрылась, и Полина осталась одна.

Комната оказалась маленькой, но дорогой — Полина успела научиться отличать дороговизну, которая кричит о себе, от той, что говорит шёпотом. Две кровати с бельём из египетского хлопка, дубовые тумбочки, на стене — плазма, на подоконнике — орхидея в горшке. Соседки не было, только на кровати лежал раскрытый ноутбук и валялся розовый свитер, и это присутствие чужой жизни в чужой комнате вдруг показалось Полине почти оскорбительным.

Она села на свою кровать, положила чемодан и вдруг почувствовала то, что не чувствовала уже много лет. Пустоту. Не от одиночества — от того, что всё вокруг было чужим. Даже орхидея. Даже запах. Даже этот свет, падающий из окна, был здесь другим — серым, подмосковным, не похожим на московский.

Она достала телефон. Одно непрочитанное сообщение от отца: «Не позорь фамилию».

Полина смотрела на экран, и пальцы сами набрали ответ: «Я поняла». Потом стёрла. Набрала снова: «Не буду». Снова стёрла.

В конце концов она просто выключила телефон и уставилась в потолок, слушая, как где-то за стеной играет музыка — тихо, на грани слышимости, — и думала о том, что сказала Кира: секреты — единственная валюта, которая не обесценивается.

Интересно, подумала Полина, какой секрет хранит здесь она сама, даже не зная об этом? И почему при мысли об отце, о его дрожащих пальцах, о той фразе — «кость в горле» — у неё начинает ныть где-то под рёбрами, как перед грозой?

Она закрыла глаза.

Ну что ж, папа. Посмотрим, чья фамилия дороже стоит.

— --

Максим проснулся за час до будильника — как всегда, как будто внутри него жил какой-то древний механизм, который заводился ровно в пять сорок семь, независимо от того, ложился он вчера в одиннадцать или в три. Эта привычка вьелась в него за годы, когда от времени суток зависела жизнь, и теперь он не мог от неё избавиться, даже после того, как сменил три города, две страны и одну профессию.

Тело поднималось раньше, чем мозг успевал сказать: «Лежи, здесь ты в безопасности». Но мозг не слушал. Мозг всегда оставался начеку.

Максим сел на кровати, потер лицо ладонями и посмотрел в окно. За стеклом — серый рассвет, такой же, как вчера и позавчера, подмосковный, липкий, обещающий дождь. В академии «Вектор» занятия начинались в девять. У него было три часа, чтобы привести себя в порядок, надеть личину преподавателя и забыть, что внутри — не Максим Викторович Соболев, филолог из Саратова, а человек, который видел такие вещи, о которых студенты «Вектора» не прочитают даже в закрытых архивах.

Он пришёл сюда не по своей воле. Или по своей? Сложно сказать, когда грань между выбором и необходимостью стирается настолько, что ты перестаёшь её замечать. Ему предложили работу в престижном учебном заведении — хорошая оплата, крыша над головой, минимум вопросов. Он согласился, потому что ему нужно было исчезнуть. А «Вектор» — лучшее место, чтобы исчезнуть. Здесь никто не задаёт лишних вопросов, если ты делаешь свою работу.

Работа Максима Соболева заключалась в том, чтобы учить детей элиты искусству лжи.

Он вышел из своей комнаты в преподавательском крыле и направился в столовую для персонала. По пути встретил двух коллег — пожилую преподавательницу французского, которая вечно нюхала валерьянку, и молодого историка Никиту, который ненавидел всех студентов и не скрывал этого. Никита шёл быстрым шагом, поправляя на ходу галстук, и, увидев Максима, скривился.

— Соболев, слышал, к нам новая группа поступает сегодня. Ветрова, Тогоева, Морозовы. Элита, бя.

— Язык, Никита, — устало заметил Максим. — Здесь стены слушают.

— А мне плевать. — Никита усмехнулся, и в его усмешке было что-то детское, обидчивое, как у человека, который всю жизнь доказывает, что он не хуже. — Эти детишки думают, что мир вращается вокруг их задниц. А через два года они выйдут отсюда и поймут, что мир вращается вокруг денег их пап. Ничего не меняется.

— Меняется, — тихо сказал Максим, и сам не понял, зачем это говорит. — Иногда кто-то из них оказывается умнее, чем кажется.

Никита фыркнул и ушёл вперёд, оставив после себя запах дешёвого одеколона и какой-то непрожитой обиды.

Максим остался в коридоре один. Он посмотрел на портрет Павла Семёновича Ветрова на стене — молодого, с чёрными волосами и взглядом, который уже тогда стоил дороже, чем всё, что носили его однокурсники. Интересно, какой выросла его дочь? Он знал, что она приезжает сегодня. Знал, что её определили в крыло «Альфа», к Тогоевой. Знал даже, какой у неё проходной балл — сто девяносто три.

Потому что он, как и Кира, как и многие здесь, получил досье на новых студентов за три дня до их приезда.

Вслух он ничего не сказал. Вслух он вообще старался говорить только то, что нужно.

— --

Первое занятие по «Этике профессиональной лжи» началось ровно в девять, и Полина вошла в аудиторию 204 корпуса «Бета» за две минуты до звонка. Она выбрала место в третьем ряду у окна — так, чтобы видеть дверь и не сидеть слишком близко к преподавателю. За завтраком соседка Мария Тогоева обменялась с ней ровно тремя фразами: «Привет», «Ты чья?», «Ветрова». После третьей фразы Мария уткнулась в телефон, дав понять, что её интерес исчерпан, но Полина заметила, как она краем глаза следит за каждым её движением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.